

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

ВЕПРЬ. ФЕНИКС

РУБИКОН

РУБИКОН. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

ПЕС. СТРАЖ

ПЕС. БОЕЦ

ФРОНТИР. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

ФРОНТИР. ПЕРО И ВИНТОВКА

ФРОНТИР. ДОРОГА НА ДВОИХ

ФРОНТИР. ГОРОД В СТЕПИ

БУЛЬДОГ. В НАЧАЛЕ ПУТИ

БУЛЬДОГ. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

БУЛЬДОГ. ХВАТКА

КОЛОНИЯ

КОЛОНИЯ. КЛЮЧ

КОЛОНИЯ. ДУБЛИКАТ

ОДИНОЧКА. АКВАНАВТ

ОДИНОЧКА. ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

ОДИНОЧКА. ПАТРИОТ

НЕСГИБАЕМЫЙ

НЕСГИБАЕМЫЙ. ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

НЕСГИБАЕМЫЙ. НЕ БУДИ ЛИХО...

ФАВОРИТ. СТРЕЛЕЦ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ФАВОРИТ. СТРЕЛЕЦ

РОМАН

Москва. 2017
Э АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1059

Художник
И. Воронин

Калбазов К. Г.

К17 **Фаворит. Стрелец: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2446-7

Иван Рогозин не просто увлекался фантастикой, историей и реконструкциями. Он пошел дальше и основал свою собственную мастерскую, где воссоздавал как реплики старинного ручного оружия, так и технологии. Есть возможность, есть желание, так отчего бы и нет? А ведь и представить себе не мог, что все это может понадобиться в реальной жизни. Хм. Или все же в нереальной?

Вот угораздило же попасть в тело стрельца в альтернативной допетровской Руси. Именно Руси, потому как известной ему России тут еще нет. На дворе конец семнадцатого века, а на престоле все так же восседают Рюриковичи.

Ну-у, теперь-то он развернется! Н-да. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Стрелец, он ведь человек служилый и от себя не зависит. Так что легко точно не будет.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Калбазов К. Г., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2446-7

Посвящается энтузиастам Самоделкиным, которые в ответ на единственно верную точку зрения диванно-интернетных знатоков воплощают свою правоту в реале

Глава 1 САМОДЕЛКИН

— Друзья, приветствую вас на канале «Самоделкин». И да! Да здравствует Интернет! Оно, конечно, польза двоякая. С одной стороны, мы получаем свободный доступ к самым разнообразным знаниям. С другой — практически ничего из познанного не задерживается у нас в голове. Ведь мы всегда можем вновь занырнуть в глубины инета и извлечь нужную информацию. Так зачем же тогда засорять себе голову? Опять же найдется множество умников, которые путем логических рассуждений и виртуозного владения ссылками смогут навешать на уши лапши. И мой канал «Самоделкин» со столь говорящим названием призван противостоять именно таким умникам.

Мужчина лет сорока подмигнул с экрана и решительно, словно стряхивая воду, а может, ту самую лапшу, провел рукой по наметившейся лысине. Потом камера сместилась и крупный план сменился другим. На экране появился походный столик, с которого мужчина взял револьвер странного вида.

— Итак, у меня в руках новинка моей мастерской. Реплика револьвера Коллиера. Револьвер был разработан американцем Артемасом Уиллером из Конкорда, штат Массачусетс, и в тысяча восемьсот восемнадцатом году был запатентован в Америке. Но не заинтересовал военных ввиду сложности производства и дороговизны. И тогда некто Элиша Хейден Коллиер из Бостона в тысяча восемьсот девятнадцатом году с этим же револьвером едет в Англию. Предполагается, что он внес в конструкцию кое-какие изменения, но доподлинно этого утверждать нельзя. Как бы то ни было, в Англии он получает патент на «кремневый револьвер Коллиера». И на этот раз военные не оставили оружие без внимания. Было произведено примерно десять тысяч единиц данных образцов, которые в основе своей отправились в Индию для офицеров колониальных войск. Есть предположе-

ние, что именно этот револьвер вдохновил всемирно известного Самуэля Кольта на создание своего капсюльного револьвера.

Мужчина довольно ловко и быстро разобрал оружие на составные части. Неполная разборка способствует более качественной чистке. А еще так куда удобнее рассказывать, демонстрируя все в деталях, на которые то и дело наезжала камера, фиксируя все четко и в хорошем разрешении.

После экскурсии в историю револьвера и его технические характеристики последовала следующая часть ролика. В ней были представлены выжимки из процесса изготовления оружия с комментариями мастера. Кратко рассказывалось, как изготавливались образцы девятнадцатого века и какими новыми приемами пользовались в мастерской «Самodelкин». Правда, при этом выдерживалось одно неизменное условие — способ должен быть вполне доступным для той эпохи. Это было визитной карточкой мастерской.

Покончив с историей создания оружия, мастер начал заряжать револьвер, при этом комментируя свои действия:

— Существует множество высказываний по поводу ненадежности данного ствола, его несовершенства и высокой вероятности выстрела сразу из всех камер, что может привести как к поломке, так и к травматизму. Господа скептики, должен заметить, что кремневое оружие никогда не отличалось надежностью и требовало осторожности в обращении. Именно поэтому ему на смену и пришли капсюльные экземпляры, которые ничуть не выигрывали в скорострельности. Кремневые револьверы и револьверные ружья делались и до появления детища Коллиера. Мы будем его так называть, коль скоро во всем мире он известен именно под этим именем. Но, на мой взгляд, это оружие явилось вершиной эволюции в данном направлении. Что же до надежности, скажу так: беда приходит тогда, когда разные умники начинают пренебрегать правилами техники безопасности и эксплуатации.

Итак, наши заряды помещены в камеры. Теперь поверх пуль обязательно наносим сало. То есть все точно так же, как и в капсюльном револьвере Кольта. И закрываем барабан крышкой. Вот так. Теперь досыпаем порох в контейнер на кресале с дозатором. Проворачиваем его, накрывая полку. При этом на полку подается порох. Далее по затравочному каналу он поступает к барабану к затравочному же отверстию камеры. Одна деталь: гранулы пороха должны быть мелкими. При отсутствии

такового можно, конечно, измельчить крупный, но это все же нежелательно. Прорыв искры к другим каморам предотвращается с помощью специальных шторок. Скажу честно, я уже произвел из него полсотни выстрелов при трех осечках. Ни единого случая воспламенения хотя бы двух камор не было.

Сегодня я хочу не просто продемонстрировать вам новинку моей мастерской, но и опровергнуть утверждение некоторых диванно-интернетных знатоков. Доводы этих ребят основываются на логических умозаключениях и сведениях, почерпнутых из Интернета. При этом они великолепно могут спорить, доводя оппонента до белого каления, легко оперируя множеством ссылок. Признаться, в подобном споре я всегда проигрываю. Но и отмалчиваться, наблюдая, с каким непередаваемым апломбом самоутверждаются эти личности, я также не могу. А потому отвечаю им единственно доступным мне способом. Практикой и реальным воплощением предмета спора. И коль скоро это ничуть не противоречит демонстрации нового образца, то отчего бы не воспользоваться этим случаем? Недавно я наткнулся на утверждение одного умника, которое гласило, что выстрелить из кремневого оружия под углом уже в семьдесят градусов невозможно. Он заявляет, и есть те, кто его поддерживает, что порох с полки неизменно просыплется. Посмотрим.

Мужчина перевернул пистолет кресалом вниз, нажал на спуск и... Хм. Выстрел. Замедленная съемка. Удар кремня по кресалу, искра, просыпающийся вниз, но все же воспламеняющийся порох и собственно выстрел.

Случайность? Поворот барабана вручную (механизм поворота на оригинале отсутствовал, потому и тут его нет). Взвод курка. Возврат кресала на место с одновременной досыпкой на полку пороха. Вновь опрокидывание револьвера и выстрел. Операция повторяется еще три раза.

— Итак, дорогие мои, пять камор и пять выстрелов, которых не должно было случиться ни при каких обстоятельствах. Кстати, пока ни одной осечки. Давайте попробуем зарядить револьвер и пострелять еще.

Мужчина довольно сноровисто зарядил барабан. Заметно, что упражнялся он не раз и не два. Сноровка и навыки видны сразу, несмотря на ускоренную прокрутку. Никакой суеты, четкие, выверенные движения привычного к данному оружию человека.

Следующий барабан он отстрелял также из перевернутого ствола. И вновь ни единой задержки при стрельбе. И еще четыре барабана из нормального положения. Осечки случились дважды на двадцатом и двадцать пятом выстрелах. Для устранения проблемы было достаточно слегка почистить кресало и затравочный канал от нагара. И все говорило о том, что если бы это сделали заблаговременно, то осечек вообще не случилось бы.

— Что ж, друзья, очередной миф диванно-интернетных теоретиков развенчан. Подписывайтесь на канал. Обещаю, впереди нас ожидает еще очень много интересного. И те, кто со мной в течение последних четырех лет, могут в этом меня поддерживать. До следующих встреч.

Рогозин не без удовольствия досмотрел смонтированный ролик. Ноутбук стоял именно на том столике, что был на экране монитора. Разве что сейчас на нем нет ни одной железки. Оторвал взгляд от экрана и перевел его на темноволосую девушку лет двадцати. Та, в свою очередь, лучась самодовольной улыбкой, протянула перед собой раскрытую ладонь.

— Папочка, с тебя причитается, — весело прошептала она.

— Господи, куда катится мир. Даже родная дочь готова помогать своему родителю только за отдельную плату.

— Ты сам всегда говорил, что любой труд должен быть оплачен.

— Ну-у, мало ли что я говорил. Могла бы отцу и скошуху сделать.

— А я предлагала научить тебя монтировать ролики.

— А снимать я тоже сам себя буду?

— Большинство твоих соратников по цеху именно так и делают. И вообще у тебя в мастерской есть помощники, которые в немалой части и снимают процесс производства. Меня ты зовешь только для съемки демонстрации и монтажа, — резонно возразила девушка.

— Да ну их, эти компьютеры. Я же в них ни уха ни рыла. Даже толком не могу объяснить разным умникам, насколько они не правы.

— Это потому, что им плевать на любые доводы. Даже твоё видео их ни в чем не убедит. Для них ведь главное процесс. А что до компьютера... Папочка, я тебе просто поражаюсь. Имея в распоряжении только простейшие инструменты, с нуля поднять свою мастерскую. Разобраться в старинных технологиях, практически методом тыка придумать свои. И не разобраться в том, как нужно пользоваться простейшей программой.

— Все сказала? — с притворным недовольством буркнул Рогозин.

— Все, — с наигранным раскаянием выдохнула девушка.

— Сколько?

— Пять, — скромно потупившись, выдала она.

— Э-э, девушка, а это не слишком?

— Мне еще платье нужно купить. Ты обещал, — обличительно заявила дочка.

— А. Ну да. Было такое. Ох лиса. Веревки из меня вьешь.

— Это еще что. Погоди, младшие уже на подходе.

Вот что правда, то правда. Две младшие дочери обещали быть куда более требовательными. Нет, валяться по полу и закатывать истерики они, разумеется, не станут. Не глупые. Пусть и малолетние. Видят, как действует старшая сестра. А потому будут штурмовать крепость своим обаянием. А его у них с избытком.

Получив затребованное, дочка чмокнула отца в щечку и, помахав ручкой, поспешила оседлать свою «Калину». Рыкнула двигателем и, лихо развернувшись, брызнув мелкими камешками, вылетела со двора. Вот же егоза!

Впрочем, раздражение Рогозина очень быстро сошло на нет. И сам неоднократно наблюдал со стороны, как она ездит в городе, и знакомые рассказывали. Пофорсить, конечно, любила, молодость, но голову при этом не теряла и всегда помнила, где это возможно, а где лучше попридержать лошадей.

— Ох, Машка! Огонь-девка! — раздался молодой задорный голос от двери мастерской.

— Витя, ты губу-то закатай. Не про твою честь девочка, — уложив ноутбук в кейс и обращаясь к парню, припечатал Рогозин.

— А что такого, Иван Степанович? Вы же сами говорили, что не видите ничего зазорного в том, чтобы вашим зятем стал простой работяга.

— Я и сейчас подпишусь под каждым словом. Вот только к тебе это не относится. Потому как ты кобель, и никакая женитьба тебя не остановит.

— Можно подумать, вы сами никогда и ни в жисть.

— И когда, и в жисть, но иногда. А у тебя это чуть ли не смысл жизни.

— Осуждаете?

— Нет. Но и чтобы моя дочка ревела в подушку, пока ты по чужим койкам скачешь, тоже не хочу. Поэтому дыши ровно и смотри в другую сторону. Уяснил?

— А если...

— Витя, ноги вырву. А ты знаешь, попусту лаяться я не при-
вык, — боднув его злым взглядом, срезал Rogozin.

— Все, Иван Степанович. Я все понял.

Не сказать что его работодатель был таким уж грозным самодуром или без царя в голове. Вовсе нет. Добрую шутку он любил и только приветствовал. С легкостью позволял подтрунивать над собой, не всегда находясь с остроумным ответом. Но когда речь заходила о семье, к шуткам относился строго.

— Ну а раз понял, перекур закончился. За работу. — Rogozin отвесил пареньку легкий подзатыльник, придавая нужное направление. В дверь мастерской конечно же.

Сам прошел следом. Вот сейчас пристроит кейс в своей конторке, и тогда можно приступить к работе. Он с двумя помощниками сейчас был занят созданием реплики револьверного карабина все того же Коллиера. Основные части и механизмы практически идентичны с короткостволом. Еще нашлись бы на них и покупатели. Дороговатая все же игрушка получилась. Но зато сколько удовольствия доставило создание этих образцов.

И вообще у него принцип. Как только изготовил очередную реплику, обязательно сделать минимум десять единиц. Рано или поздно они все одно найдут своего покупателя. Зато закрепляются навыки и отрабатывается технология производства. И если последуют дополнительные заказы, то все пройдет куда как проще и легче. Ведь они берутся даже за изготовление единичных экземпляров. Могут и с нуля начать, под заказ.

Причем это ни в коей мере не скажется на цене. В зависимости от образца она колеблется от трехсот до тысячи евро. Но не дороже. К примеру, оригинал этого револьвера стоит порядка четырнадцати тысяч евро. По расценкам мастерской «Самоделкин» реплика обойдется в тысячу.

Все же конструкция достаточно сложная, а у них нет ни одного современного станка. Только то, что имелось или могло бы быть в начале девятнадцатого века. Иначе весь интерес теряется. Даже здание мастерской построено из самана по обрешетке из двойного плетня. Разве что окна довольно большие и с нормальными стеклами, без каких-то там пузырей и тому подобной экзотики. Ну и пол залит бетонной стяжкой. Так просто чище и светлее. Из электричества есть освещение, нечего глаза ломать.

А все начиналось как хобби. И если хотите, то таки да, от безделья. Ну не знал Рогозин, чем себя занять. В зарабатывании денег ради заработка смысла он не видел. Ему для жизни много-то и не надо. Главное, чтобы семья не бедствовала. А в остальном... И дочка его сегодня вполне завидная невеста, и две младшенькие не выйдут бесприданницами. А он наконец занимается тем, что ему интересно.

Хм. Ну, во всяком случае, на данном этапе. Как оно обернется дальше, будет видно. У него вообще случаются заскоки, когда он бросается во что-то новое, как в омут с головой. А потом охладевает. Правда, историю он всегда любил. Но, как говорится, от суммы и от тюрьмы лучше не зарекаться.

Рогозин в очередной раз осмотрелся, и на душе потеплело. Любимое дело, увлеченность и азарт. Что еще нужно для полного счастья? Семья? Так она у него есть, и в полном порядке. Правда, мастерская приносит лишь символический доход, только-то что не в минусе, ну еще и детишкам на молочишко.

Ивану не раз прямо говорили, что он попросту мается дурью. Да только он отмахивался от всех этих мудрецов. А то как же, он, конечно, дурак, потому что тратит время на детские игры, а они умные и взрослые, зарабатывают большие деньги и могут себе позволить за ночь слить в карты парочку миллионов. И тут никакой фигуры речи.

Вообще-то у Рогозина с заработками все нормально. Есть автостоянка с мойкой, сервисом и кафе. Есть здание, арендуемое банком. Копейка капает исправно. Причем настолько, что, по скромным запросам их семьи, имеется еще и какой-никакой жирок, как в рублях, так и в виде валютного счета.

Память о дефолте девяносто восьмого из его поколения вот так просто не выветрится. Кто-то благодаря случаю или вовремя полученной информации сумел приподняться. Кто-то ухнул вниз, да так и не оправился. Да и четырнадцатый год показал себя во всей красе. Так что часть средств Рогозин все же предпочитал держать в валюте.

Но так было не всегда. В теперь уже далеком девяносто пятом, когда полыхала первая чеченская, его призвали в армию. Варианты отмазаться конечно же были. В те годы за деньги можно было решить буквально любую проблему, вопрос сводился только к цене. Но у его родителей денег на «белый билет» не оказалось. А потому пришлось обряжаться в форму.

Были такие, что оставались служить неподалеку от дома, их война обошла стороной. Стоило дешевле решения вопроса в военкомате, но родители не потянули и это. Так что уже через три месяца восемнадцатилетний Ваня отправился на войну, как говорится, и за себя, и за того парня.

Поначалу было страшно. Так страшно, что он сидел в теплушке, забившись в угол, как испуганный мышонок. В животе поселился ледяной холод, который никак не желал оттуда уходить. Парни из его взвода чувствовали себя ничуть не лучше.

Правда, была парочка балагуров, которым, казалось, сам черт не брат. Все хорохорились и балагурили. Ваня, глядя на них, чувствовал себя каким-то неполноценным. А еще было невероятно стыдно из-за обуявшего его страха. Конечно, мнение окружающих дорогого стоит. Но куда важнее твоя собственная самооценка. Выглядеть достойно в чужих глазах не так уж и сложно, а вот обмануть самого себя невозможно.

Но в первом же бою все встало на свои места. В принципе это и боем-то назвать нельзя. Так, обстрел и не более. Их колонну обстреляли с довольно большой дистанции, эдак метров с четырехсот. Не близко. Били из пулемета и автоматов. И так как метили в тенты грузовиков с личным составом, жертв избежать не удалось.

Иван вывалился из кузова остановившегося грузовика и со страху начал палить куда-то в сторону, откуда время от времени летели трассеры. Стрелял, стоя на колене. Высаживая магазин едва ли не одной очередью. Сам не заметил, как расстрелял все четыре магазина. Как не видел и того, что нашлись еще горячие и глупые головушки, вот так же открыто стрелявшие по противнику прямо с дороги. Был даже один, что стоял во весь рост и, матерясь, от пояса стрелял из ручного пулемета. В белый свет, как в копейку, ясное дело.

Если бы среди нападавших был хоть один завалящий снайпер, то положил бы их всех. Но поначалу парни этого не поняли. Были уверены, что именно они отогнали нападавших. Хотя в действительности сделали это старослужащие, которые довольно грамотно распределились вдоль дороги и вели по бандитам интенсивный прицельный огонь.

Вечером старички всем отчаянным набили морды. Просто так и без затей. А, нет. При этом они приговаривали, мол, пригибаться надо, дурни стоеросовые. Потому как дома ждут родители и девушки, и нечего собой удобрять землю, пусть она и

мать родная. После экзекуции парням с побитыми лицами поднесли по двести граммов водки. Так сказать, поздравили с боевым крещением и похвалили за то, что не праздновали труса. Вот поди пойми их.

А двое балагуров едва не обделались от страха. Они до конца службы так и проходили в чмырях. Правда, выжили оба, чего не сказать о многих других. Кто-то так и остался в чеченской земле. Кто-то отправился домой в цинковом гробу. Другие перешли на инвалидность. А чья-то судьба до сих пор неизвестна.

Однажды, уже перед самыми Хасавюртовскими соглашениями, Ивану довелось пристрелить самого натурального негра. Снайпер, мать его за ногу. Регулярно обстреливал их блокпост. Трех отправил в госпиталь. Но когда убил Димку Немова, взводного заводилу, с которым успел сдружиться, у Ивана сошло крышу.

А как еще назвать то, что он самовольно и в одиночку отправился выслеживать этого стрелка. К тому моменту он уже успел хватить лиха столько, что десятку на всю жизнь хватит. Вот так ему везло. Случилось и в рукопашной сойтись, спасибо саперной лопатке, которую он теперь неизменно затачивает. А потому страха в нем как такового уже не было. Ну не то чтобы совсем. Просто, насмотревшись на смерть в самых неприглядных ее проявлениях и походив рядышком, не раз ощущая на себе ее дыхание, он стал относиться к ней как к чему-то неизбежному. Жить, конечно, хочется, но и от смерти никуда не уйти.

А посчитаться с проклятым чехом за смерть друга хотелось до зубного скрежета. Н-да. Оказался негром. В принципе Ивану повезло. Причем конкретно так. Что ни говори, но спецназовцем за время службы он так и не стал.

С трупа, помимо пачки документов и оружия, он взял еще и десять тысяч долларов. Понятия не имел, настоящие ли они. Но решил не показывать и припрятал куда подальше. Как же было трудно сохранить эти деньги до самого дембеля, чтобы никто про них не прознал.

Только уже на гражданке выяснил, что не зря берег эту пачку долларов. Ну и применение им нашлось практически сразу. Один его товарищ занимался тем, что гонял машины из Германии. Вариант практически беспроектный. Разве что ему нужен был компаньон. Все же ездить в одиночку с большой суммой как-то не очень. А с прежним напарником они рассорились.

Словом, когда Иван подошел к нему за советом, куда можно выгодно вложить валюту, тот недолго думая предложил присоединиться к нему. Рогозин для порядка почесал в затылке и согласился. Пока Андрей продавал очередную свою машину, Ваня успел оформить загранпаспорт и был готов к поездке.

Первый рейс оказался весьма удачным. За вычетом накладных расходов и даже притом, что продал машину несколько дешевле, чем ее оценивал Андрей, Рогозин заработал полторы тысячи долларов. И пока компаньон продавал свой автомобиль, рванул по новой в Германию. После войны Рогозин и вообще ничего не боялся. Он вообще пребывал в уверенности, что на гражданке особых угроз нет.

За полгода успел пригнать и продать шесть машин. Потом нанял одного парнишку и стал гонять по две машины. За год, с учетом всех расходов, он превратил свои десять тысяч долларов в тридцать.

А что такого? Молодой, холостой и целеустремленный. Машины у него буквально выхватывали из рук те же перекупщики, которые, считай, жили на авторынке. Тот же Андрей зарабатывал чуть меньше, но катался за границу вдвое реже. Но Иван предпочитал зарабатывать за счет оборота, пусть и приходилось ради этого помотаться.

А потом ему надоело. Как-то разом разонравились все эти поездки и вечное пребывание за рулем. Компаньон и нанятый водитель были разочарованы планами Рогозина, но тот остался непреклонным. Решил остепениться.

Как раз в это время ему подвернулся вариант прикупить небольшой участок пустыря возле одного из микрорайонов. Причем повезло, цену особо не ломили. Ну и еще удачно вышло, что успел оформить все бумаги, потому что следом грянул дефолт, и недвижимость с землей рвали из рук по совершенно неприличным расценкам. Но попытка отобрать у него участок не увенчалась успехом. Все было оформлено в соответствии с существовавшим законодательством.

Впрочем, особо прессовать никто не стал. Ни к чему. Это сегодня в городе с участками тяжело. А тогда простора еще хватало. Попытались. Не вышло. Ну и ляд с ним. Один черт, деньги у тех, кто торопился вложить дешевеющие рубли в недвижимость, закончились быстрее, чем городские активы. Да и участок его, положи руку на сердце, вовсе не был особо привлекательным.

На оставшиеся деньги меньше чем за год Rogozin выгородил и облагородил автомобильную стоянку, поставил небольшое здание, в котором разместил мойку, кафе и автосервис. Кстати, благодаря этому приобрел некую популярность у местных жителей. Причем в положительном плане. Автовладельцы из микрорайона получили возможность оставлять свои машины в полной безопасности. А мамашам и бабушкам достались разгрузившиеся от автомобилей дворы.

Поначалу сам работал в сервисе, благо имел за спиной технику и специальность автослесаря. Получалось неплохо. Правда, вскоре крутить гайки надоело, и Rogozin сдал мастерскую в аренду. Выходило меньше, чем если работать самому, но зато стало куда как проще и вольготнее. Женился. Родилась Маша.

Когда полностью встал на ноги, появился рэкет. Не мудрствуя лукаво и засунув чувство ложной гордости в самый дальний угол, написал заявление в милицию. Пришлось, конечно, единовременно отстегнуть, дабы стимулировать работу органов правопорядка. Но зато вопрос закрылся сам собой. Все эти блатари даже в девяностые не горели желанием связываться с милицией. И рассказы насчет их всесилия рассказы и есть. Просто речь тут не о трясущихся гаишниках и сопливых пэпээсниках.

Потом грянула вторая чеченская, и Иван не смог устоять. Рванул по контракту. Смешно сказать, но заела его тоска. Захотелось встряски и адреналина до самых краев. До трясушки захотелось.

Два года по контракту, а потом вновь на гражданку. Где ровно год наслаждался покоем и ничегонеделанием. Автостоянка под управлением супруги приносила постоянный доход. Не сказать что огромный, но они не бедствовали. И по Европе ездили, и на Карибах побывали.

А потом на горизонте появился один знакомый. Было дело, Ивану с парнями еще на срочке довелось отбить у боевиков одного мужика. Тот отблагодарил их ровно так, как они того и попросили. Выкатил им выпивку. Только вместо ящика водки подогнал двадцать литров настоящего кизлярского коньяка, сдоблив дорогой закуской. Н-да. Это они тогда здорово продешевили. Минимум по пять кусков баксов могли получить. Ну да чего теперь-то.

Но вот Ивану тот случай все же аукнулся. Дядька теперь занимал должность начальника службы безопасности весьма со-

лидного банка. И как раз подыскивал в их городе помещение для очередного филиала. А встретившись случайно с Рогозиным, предложил ему поработать вместе.

Смысл сводился к тому, что в течение полугода Рогозин должен был предоставить здание, соответствующее всем требованиям. И он это сделал. Взял кредит в том самом банке под щадящий процент и не без протекции безопасника. Выкупил полуразвалившийся дом постройки конца девятнадцатого века в хорошем местечке. Просто в очередной раз повезло. Напрягся, отремонтировал и успел к назначенному сроку.

Правда, часть арендной платы шла откатом безопаснику, а остальная сумма полностью уходила в счет погашения кредита. Но Рогозина это вполне устраивало. На жизнь все так же хватало автостоянки. Случись банк откажется от аренды, у него оставалось полностью оснащенное здание, стоимость которого сильно превышала сумму кредита.

Но ничего внезапного не случилось. За пять лет Рогозин успешно погасил кредит, и доход их семьи вдруг резко увеличился раза эдак в три. Нормально, чего уж там. Если не считать того, что его вновь начала одолевать скука. Чтобы унять зуд, Рогозин катался на рыбалку в Сибирь. Даже пристраивался к черным старателям, мыл золотишко. И причина тут, понятно, вовсе не в деньгах. Хотя да, его девочки теперь носили украшения из металла, добытого и очищенного им самолично.

Когда ездил мыть золотишко, пристрастился к чтению. А что еще делать в лесу? Ну не с букетом же полевых цветов отправляться на свидание к медведице. Кстати, несколько раз встречались. Правда, никто косолапых не трогал. Разве что пальнули пару раз в воздух, когда нашелся один особо ретивый. Оно ведь как — и шкура летом не та, и проблемы никому не нужны. Тут и без того из-за золотишка головка бо-бо. И при таких раскладах вешать себе на шею еще и браконьерство... В общем, лишнее это, и весь сказ.

Словом, подсел Иван на фантастику, в жанре всяких там попаданцев и засланцев. Ну и как водится в таких случаях, коль скоро ты читаешь книги в электронном виде, то и различных форумов тебе не избежать. Оно само получится. А дальше все просто. У любого есть свое мнение, и ошибки автора неизменно подмечаются. Только одни читают и получают от этого удовольствие, другие же указывают на эти самые ошибки. Ну и тролли среди них не редкость. Иван не смог отмалчиваться —

начал отстаивать свое мнение и поучать дуболомов, считающих себя великими умами современности.

Вот только, как выяснилось, спорщик из него никакой. Не в том плане, что его быстренько разубеждали. Просто отстоять свою правоту для него оказалось практически нереально. Это насколько же людям скучно, коль скоро они готовы спорить сутки напролет, доводя тебя до белого каления и засыпая множеством ссылок на источники со скоростью пулемета Максима.

Вот тогда-то Rogozin и решил доказать свою правоту не словами, а делами. А что, времени свободного у него хоть отбавляй. Водку пьет в строго умеренных количествах. В азартные игры не играет, считая это глупостью. Бегать по бабам? Нет, он, конечно, не святой, но и не как его помощник Виктор.

Оборудовал дома слесарку и начал там творить разную мелочовку, тыкая интернетных умников в их тупость. А четыре года назад сцепился с одним умником-форумчанином под каким-то безымянным ником. В сущности, Ивану на него было плевать. Главное, что интерес пробудился.

Нашел все в том же инете парочку единомышленников из своего города. Правда, оба ему в дети годятся. Ну да у каждого свои недостатки. Жена поначалу надулась. Но потом махнула рукой. Ну в самом деле, чего ей не хватает? В доме достаток. А то что муж чудит? Ну вот такой он. Зато ради семьи в лепешку разобьется.

Все началось с покупки полуразвалившегося домовладения, у которого было только одно привлекательное качество. Во всяком случае, на взгляд Ивана. Огород выходил на не такой уж и высокий берег быстрой реки.

Потом вместе с помощниками, имея самый минимум инструментов, они начали воплощать идею Rogozina. Тем более что он им положил вполне нормальную заработную плату. Сначала поставили сыродутную печь. Rogozin завез грузовик руды. Березовые дрова, из которых они выжгли уголь. И процесс пошел.

Первое кричное железо. Первая ковкая сталь. Первая тигельная плавка. Первый... булат. Вот так вот все кучеряво. При всем обилии сведений в Интернете информацию пришлось собирать буквально по крупицам. Сколько же в этой Паутине откровенного шлака, одному только богу известно.

Немало сведений он почерпнул из видеороликов энтузиастов и мастеров. Кстати, к одному из таких специально ездил поучиться уму-разуму. Тот выкладывал видеоролики о себе, но

больше в качестве рекламы. Заинтересован в продажах, что тут еще скажешь.

Иван хотя и не имел подобной заинтересованности, тем не менее регулярно выкладывал ролики со своими успехами. Ну а для чего еще он все это затеял? Вот как-то так загорелся и теперь не знал удержу. К тому же если обычным блогерам приходилось тратить на это личное время, то у Ивана его было более чем достаточно. Да он в мастерскую, которая у него вроде бы для души, как на работу ездил.

Потом появилось водяное колесо, благо горная речка и не думала перемерзать зимой, да и серьезных морозов у них не случалось. Затем поставили конвертер Бессемера. Не промышленный, разумеется, а скромненький такой, на четверть куба. Им и этого за глаза. Заодно переделали плавильню, так чтобы теперь получать чистый чугун. Эдакая махонькая домница. Стали у них теперь еще на пару лет непрерывной работы. Конвертер и печь укрыты под навесом. Но какое это имеет значение? Если понадобится, то запустят. С их объемами тут ничего особенно сложного нет.

Хорошо все же, что Иван решил не ограничиваться строительством кузницы, а поставил просторное помещение. Конечно, со строительством пришлось поднапрячься. Строили-то своими силами. Ну разве что подтянули в помощь таджиков, уж больно много черной работы. Но ничего. К зиме вполне себе управились. Завели в здание привод от водяного колеса и продолжили работать в полное свое удовольствие.

Через год пришлось переделывать колесо. Прежнее уже не тянуло все механизмы и станки, которые они запустили. Тут тебе и механический молот, и поддув горна, и пара-тройка токарных станков как по дереву, так и по металлу, и сверлильный станок. Да много чего еще.

Три года назад Иван открыл ООО «Самodelкин» и сумел получить сертификат на производство макетов старинного оружия. Обошлось недешево. Но все же получилось. Узнав о том, что в России можно владеть гладкоствольным дульнозарядным оружием без каких-либо разрешений и лицензий при наличии одного лишь сертификата от производителя, он тут же загорелся этой идеей.

До этого они с парнями делали только клинки. Пусть и из хорошей стали, но все же без заточки, для собственной коллекции. Ну или ножи для личного пользования. Подумать только,

у Рогозина и его соратников даже топоры дома были из булата. Но теперь все изменилось.

Пришлось побегать по инстанциям, подмазать там, прикормить тут. Признаться, он даже не надеялся, что удастся отбить все траты на эту затею. Жена откровенно негодовала. Мало того что муж содержит двух дармоедов, так еще и фирму, от которой толку не предвидится, зато платить родимому государству приходится ой как немало. Но надо отдать ей должное, злилась она молча, без скандалов и ничуть не мешая процессу.

Признаться, втайне Рогозин все же надеялся, что, когда все заработает, их буквально завалят заказами. Удовольствие удовольствием, но пока от разросшейся мастерской одни убытки. На деле же выходило не очень. Каждое наименование, производимое в мастерской, должно быть сертифицировано. И это финансовые вложения. Он должен платить налоги, и вновь траты. А как ни многочисленны на просторах инета желающие приобрести нечто эдакое, в реале мало кто шел дальше слов.

В какой-то мере спасало разрастающееся и набирающее обороты движение ролевиков. Но их интересовали по большей части простые образцы. То есть дешевые, дабы хватило войти в образ. Да и то не сказать, что заказов было особенно много. Как, впрочем, отсутствовало и желание становиться к станку, чтобы клепать стандартные модели. Опять же сказали свое веское слово кризис и резко упавшая покупательская способность населения.

Вот и получалось, что в основном продукция шла на склад. И если бы Рогозин ставил перед собой цель получать прибыль, то он явно выбрал не то направление. Но все дело в том, что ему это нужно для души, а не для заработка. Его помощники помимо удовольствия имели еще и солидную заработную плату. А стоило задумке выйти на самоокупаемость, пусть и впритирку, как тут же успокоилась и жена. Словом, все были довольны...

Рогозин остановился в дверях и окинул взглядом мастерскую. Или скорее цех, все же шесть метров в ширину и два десятка в длину. Не хухры-мухры. Впрочем, внутреннее помещение покороче, чем по наружным стенам. Справа от входа имеется еще одна дверь. За ней склад готовой продукции.

Напротив входа небольшая конторка, на стене которой устроен стенд их трудовой славы. На нем закреплен тот самый минимум современных инструментов, с которыми они начина-

ли свою работу. В домашней-то мастерской у Ивана весь инструмент современный, причем отличного качества. А вот здесь все только собственного производства, от кувалды и до самого мелкого сверла.

Влево пошел собственно цех с различными станками. В самом дальнем конце расположилась кузница. Вот уж где не случается простоев. Редко какой день обойдется без разведенного в горне огня да без звонкого перестука молотков с гулким уханьем механического молота. Жидковато пошло племя людское, где теперь сыскать настоящего молотобойца?

Прошел в конторку. Вновь извлек ноутбук. Включил и начал заливку ролика на видеохостинг. Процесс небыстрый, поэтому ожидать окончания не стал. Подвязал фартук из толстого брезента. Надел нарукавники, перчатки — и на выход. Работы на сегодня с избытком.

Проходя мимо второго помощника, Ильи, посмотрел, чем тот занят. Тот как раз сверлил затравочные отверстия на очередном барабане. Хитро так сверлил. Не насквозь, а примерно с миллиметр не досверливая.

Тут много ума не надо: вооружись обычной дрелью, тонким сверлом и закончи начатое. Вот и получишь стреляющий образец. А без законченного затравочного отверстия это самый обычный макет. Они поменяли барабан даже на образце, который фигурировал в ролике. Захочет хозяин рисковать, пусть доводит оружие до нормального состояния самостоятельно. Нет — тогда может им любоваться.

С кремневыми ружьями все куда как проще. Те идут полноценно готовыми к использованию. А вот с пистолетами приходится мудрить, балансируя на грани дозволенного.

— Как дела, Илья?

— Нормально, Иван Степанович. Последний барабан досверливаю, — отрываясь от работы, сообщил парень.

— Как закончишь, берись за кресала.

— Помню. Иван Степанович, а когда мы за отливку пушки возьмемся? — спросил Илья.

— Хм. Заказов вроде бы нет, — задумчиво помяв подбородок, отозвался Рогозин. — А что, давай как закончим с карабинами, сразу возьмемся за пушку. Зря, что ли, я несколько дней обхаживал сталелитейщиков.

Оставив Илью, глянул в сторону Виктора. Тот сосредоточенно колдовал над станком, зарядив в него заготовку под

ствол. Ну и пришлось же им помучиться с этим станком, пока наконец сумели довести до ума. С точностью, конечно, вышел полный швах. Ее на таких станках особо и не добьешься. Но хотя бы сам процесс глубокого сверления удалось наладить, уже хорошо.

Еще в самом начале несколько стволов отковали. Надо сказать, адова работенка, даже с учетом использования механического молота. Так что на нескольких образцах и остановились. Сам процесс попробовали, прочувствовали, и в сторону этот метод, потому как неэффективен. Сверлить куда сподручнее. Правда, хватило трудностей и с самим станком, и со сверлами, и с подачей масла самотеком. Но ничего, управились. Жаль только, калибр стволов меньше одиннадцати миллиметров никак не получался. Ну да они не в претензии.

Чуть дальше стоит махина — станок для проделывания нарезов. Нет, они закон не нарушают. Ну почти. То есть несколько стволов с нарезами конечно же изготовили. И даже отстреляли их. В том числе и на револьвере Коллиера. Но после удовлетворения собственного эго поспешили их демонтировать, почистить и определить на склад. Изготовление самого по себе нарезного ствола — вовсе даже не преступление. Зато и сами сделали, отработав технологию, и показали народу, как оно может быть.

Иван прошел еще дальше. Ему предстоит отковать десяток верхних пластин, с помощью которых ствол будет крепиться к казенной части и прикладу. У этого образца, что револьвера, что карабина, рамка как таковая отсутствует. Вообще-то серьезный такой недостаток, сказывающийся на прочности всей конструкции. Но они ведь делают точную копию существовавшего образца. Вот и приходится компенсировать это сталью такого качества, о котором в те времена не могли и мечтать...

Когда они начинают что-то новое, то могут засидеться в мастерской и за полночь. Новое оно всегда притягательно и увлекательно. Когда же головоломка разгадана, инструмент приготовлен, процесс отлажен и приходит черед простой механической работы, азарт пропадает. Поэтому и задерживаться особого желания нет. Опять же помощники — молодые и неженатые ребята. Найдут где провести время с куда большей пользой.

Что же до самого Ивана, так ведь нельзя все время предаваться удовольствиям. Нужно еще помнить и об обязанностях. Например, перед семьей. Ждут его дома. Всегда ждут. Да и не сказать, что ему самому не нравится посидеть с близкими и посмотреть какой-нибудь семейный фильм. Только без пальбы и не бесконечное мыло.

Вот и сегодня они закончили в семь. Нормально поработали, чего уж там. Все указывает на то, что через пару дней партию карабинов они победят. А там, если не найдется какой особый заказчик, можно будет браться и за отливку пушки. Они уже имели подобный опыт, но отливали тогда все же чугунную пушку. А еще отлили целую кучу разных сковород, чугунок, утятниц, скороварок. Раздали потом родным и знакомым. Те до сих пор нарадоваться не могут.

Хм. Вообще-то Rogozin и сам весьма даже жалуется, когда жена готовит на чугуне. Что ни говори, а вкус у давно известных блюд получается весьма своеобразный. К примеру, он не любитель плова. А вот стоит приготовить его на чугуне, как за уши не оттянешь.

Выехал с тихой улочки. Глянул по сторонам. Никого. Вывернул руль вправо и вдавил педаль акселератора. Коробка-автомат сработала именно так, как и должна была. То есть проигнорировала педаль, вдавленную в пол, и «кореец» плавно тронулся с места, входя в поворот. Н-да. Мощности двигателя явно маловато для особой резвости.

Впрочем, Иван об этом даже и не подумал жалеть. Еще чего не хватало. Если бы он хотел чего иного, то купил бы другое авто или хотя бы механику. Нет, его все вполне устраивает. Просто отчего-то вдруг вспомнилась дочь, которая сегодня не без лихости сорвалась с места. Накатывает порой детство, хочется полихачить.

Скорость пятьдесят. Поворот с густой растительностью на обочине. Привычно сбросил до сорока. Видимость на этом участке так себе. Никакая, одним словом. Поэтому из-за поворота появляешься, как чертик из табакерки. Зимой еще ничего, листвы на кустах нет. А вот с весны начинается. И ведь никто не озаботится тем, чтобы убрать это безобразие. Впрочем, и пешеходы тут не ходят...

Иван резко крутнул руль влево и, не трогая педаль тормоза, въехал в высокий бордюр на противоположной стороне дороги. Тормозить не стал, боясь, что машину в повороте может зане-

сти даже на такой скорости. А тогда уж она приложится задним крылом. Ребенку ведь много не надо. Вон он в зеркале заднего вида. Стоит мальчуган лет четырех, выпучив от страха глазки, замер на месте, словно истукан. И как таких оставляют без призора?! Ну где эта чокнутая мамаша?!

Мысли текли как-то сами собой. Плавно. Рогозин даже особо не нервничал по поводу произошедшего. Подумаешь, отдаст машину в ремонт. Похоже, передней подвеске кирдык. Ничего страшного. Дочка повозит в мастерскую и обратно. А то и вовсе на велосипеде педали покрутит. Пожалуй, так и поступит. Оно и для здоровья полезно. Хотя с его увлечением он и думать забыл об избыточном весе.

Еще подумалось о несработавшей подушке безопасности. Странно как-то. Удар-то вышел солидный. Вон как руки гудят. Упирался в руль всеми силами. Ну и ногами тоже. Они пусть и не гудят, однако слабость какая-то ощущается. А еще знакомый холодок зародился в животе и мурашки по спине табунами бегают.

Н-да. О чем только не подумаешь. А между тем тело все делает само. Вышел из машины. Мальчонка все так же неподвижно стоит, прижимая к груди голубой в белую полоску резиновый мячик. И даже не моргает. Разве что нижняя губа трясется. Еще малость, и разревется.

Вот секунду назад никого не было. И вдруг из переулка вынеслась черная, затонированная в хлам «Приора» с подрезанными пружинами. Участок дороги тут извилистый, но асфальт хороший. И этот урод, причем не факт, что молодой, вдавил педаль в пол. В поворот войдет минимум на семьдесят километров. И ребенка он точно не видит.

Ур-р-ро-о-од!

Иван сорвался с места и, подбежав к мальчонке, только и успел что пнуть его ногой, отправляя в жидкие придорожные кусты. Ничего другого он просто не успевал. Потому что именно в этот момент бампер машины ударил его ниже колена, отрывая от земли.

Мысль еще успела выхватить то обстоятельство, что с ноги слетела туфля. А это очень нехорошо, когда пострадавший теряет обувь. И ведь скорость не такая большая. Одновременно мир закрутился в каком-то сумасшедшем калейдоскопе. Клицу приблизилось лобовое стекло. Рогозин даже услышал звук удара головой...

Глава 2

МОЛОДОЙ СТРЕЛЕЦ

Уже готовый раскаленный клинок с шипением опустился в узкую и высокую емкость с маслом. Вокруг него тут же заплясали языки пламени. Наконец он погрузился в масло по самый срез рукояти, и языки пламени начали лизать парусиновые перчатки. Смысла и дальше медлить уже нет никакого, а вот подпалить перчатки очень даже можно. Поэтому кузнец поспешил выпустить практически готовую саблю и накрыть емкость крышкой.

— Ну что, сынок, вроде получилось, — утирая пот со лба и добавляя тем самым разводы копоти, произнес дюжий мужик с окладистой бородой.

— Ну, конечно, получилось, батя, — уверенно ответил крепкий парень.

Отблески пламени горна плясали на мокром мускулистом торсе, частично скрытом кожаным фартуком.

Не косая сажень в плечах. Но и не малец какой. А с годами обещает превратиться в дюжего мужика, не обделенного силушкой. Это заметно уже сейчас. Не всякому по силам весь день махать молотом. Не то чтобы без перерывов, но все же. Взгляни со спины, и сразу же надбавишь с пяток лет, а то и поболее. Но стоит заглянуть в его лицо, как тут же становится ясно, что это всего лишь юнец. А кто еще-то, коль скоро над верхней губой едва только пробивается светлый пушок?

— Конечно, — передразнил его отец. — А ну как не вышло у меня ничего?

— Да все получилось, батя. Не сомневайся даже.

— Ох, Ванька, гляжу я на тебя да думаю, и в кого ты такой уродился? А главное, откуда все и взялось?

— Да говорю же, в книжке вычитал.

— И где та книжка?

— Бать, а тебе не все равно?

— Ты как с родителем разговариваешь? — с грозным видом надвинулся на сына кузнец.

— Прости, батя, — тут же пошел на попятную парень.

— Гляди у меня, Ванька, вот возьму розги, да так отхожу, что небо с овчинку покажется. А ну сказывай, где та книжка.

— Нет ее, батя.

— Это как это нет?

— А вот так. Был тут один в Немецкой слободе, Фраем звали. Тонуть он как-то начал, а я вынул его из воды. Вот у него я ту книжку и увидел. Попросил почитать. Он дал, потому как благодарен был. А там та наука и была прописана.

— И что же он о том не ведаёт? У него такое богатство в руках, а он ни в зуб ногой? — с явным недоверием произнес отец.

— Так по-русски писано, — пожал плечами юнец. — А он по-нашему и говорит-то с трудом, а уж читать так и вовсе не умеет.

— И на кой ему тогда та книга?

— Так он собирает древние рукописи и книги. А эта древняя. Еще при Дмитрие Донском писана.

— Складно у тебя получается. И немец тот уехал, и книжку увез, и знания только у тебя остались, — по-прежнему недоверчиво сказал отец.

— И в чем моя вина? — искренне удивился парень.

— А про тот молот, ну, механический, ты тоже в той книжке вычитал? — поинтересовался кузнец.

— Нет, батя. Это я в Немецкой слободе подглядел. И ей-ей, зря ты отказался. Оно таким бы подспорьем обернулось, что ты раза в два быстрее работать смог бы. А то и я тебе подсобил бы, не только молотом размахивая.

— Подсобил бы он. Ты только второй год как всерьез к наковальне подступился. По уму тебе еще не меньше пяти лет молотобойцем да подмастерьем отираться подле мастера. И уж потом поглядим, что из тебя выйдет. Если выйдет. Бывает ведь и всю жизнь в подмастерьях пробавляются, а толку никакого. А что до того молота, так Господом нашим заповедано хлеб свой добывать в труде тяжком. Все эти придумки, чтобы жизнь облегчить, от лукавого. Понял, сопля зеленая?

— Понял, батя, — тихонько вздохнув, ответил парень.

Он давно уже все понял. Ни при чем тут Писание. А вот жадность, или, если хотите, бережливость кузнеца очень даже при деле. На один молот нужно не меньше двух пудов железа, да столько же на наковальню. Меньше никак нельзя. Иначе получится как по интересному месту ладошкой. Да сколько-то понадобится на устройство механизма. Нужны штанги, оси, гвозди, клинья, шпильки. А все это ну никак не меньше еще одного пуда.

Пять пудов железа влетает в пять с половиной рублей. И это притом, что годовое жалованье стрельца — семь. Вот и рассуждает кузнец, что незачем ему терпеть такие траты, коль скоро

сынوك дорос до полноценного помощника. В то, что благодаря механическому молоту он сможет брать больше заказов, кузнец не верил. Ерунда все это. Молот — он и есть молот. Не ленись, вот и будут заработки.

Ивану оставалось лишь зубами скрипеть. И было отчего. Этот клинок у них уже второй. Первый же, пусть и в простых ножнах да с обычной рукоятью из деревянных накладок, обмотанных кожаной тесьмой, продали за восемьдесят рублей.

Плевать на изукрашенность и самоцветы. Все это пыль в глаза. Булат сам по себе дорогой товар. Даже просто слиток весом в один фунт можно продать за двадцать рублей. А на саблю уходило три фунта. Ну и двадцатка набегает за работу. Знатьно? Ну так если взяться за ту сталь без головы, то на выходе легко получить дерьмо на палочке. Так что работа того стоит.

Вот и выходит, что деньги у отца есть. И на такой доход он ну никак не мог рассчитывать. Хорошо как за год в кузнице ему удавалось заработать десять рублей. Что греха таить, кузнецом он был посредственным. Все же полностью отдаваться этому ремеслу у него не получалось, потому как оно у него побочное.

Стрельцам позволялось заниматься различными ремеслами в неслужебное время. А его у них не так чтобы и много. Раз в четыре дня стрельцы неизменно заступали в стражу и патрулировали улицы Москвы. Два раза в неделю проходили учебу на тренировочном поле. Летом, дважды по две недели, участвовали в маневрах. А если часть полка уходила в поход, так оставшимся и вовсе жизнь медом не казалась, потому как в нарядах сменяли друг дружку, поджидая возвращения остальных.

Другой бы кузнец с таких заработков уж давно ноги протянул бы, потому как налог за подворье уплати, за кузницу отдай, да еще какой налог учудят, на постройку там храма или крепости какой. Иль, не приведи Господь, война случится, так на поход отстегни. Да мало ли. И что останется? Вот то-то и оно. Оно, конечно, на жизнь все одно хватало бы: если на службу не отвлекаться, то и заказов можно брать побольше. Но до знатных кузнецов отцу ой как далеко.

И тут такое счастье. После того как прошлой зимой на голову парнишки свалилась огромная сосулька с крыши храма, его словно подменили. Нет, поначалу-то долго болел, думали, уж не поднимется. Даже соборовали. А он ничего, выкарабкался. И как будто без последствий.

Н-да. Вообще-то не словно подменили, а именно что подменили. Последнее, что помнил из своей прошлой жизни Рогозин Иван Степанович, — это несущееся ему навстречу лобовое стекло «Приоры» и стук об него собственного черепа. Дальше темнота.

Очнулся он уже в чужом теле и в совершенно ином мире. Поначалу-то все больше полагал, что находится в беспамятстве и это просто бред. Вот только уж больно реалистичный получился бред. Слишком реалистичный. Хорошо еще хоть психика была подготовлена. Спасибо фантастам из современности и его увлечению новоявленным течением в литературе.

Словом, бред это или нет, Иван решил просто жить, а там вырвут его врачи из комы — и ладно. Окажется все по-настоящему, тем более нечего сидеть истуканом и ждать манны небесной.

Перво-наперво задумал разобраться с телом, в которое угодил. И ничего не понял. Он сохранил свою прежнюю память, хотя прежние навыки пришлось осваивать заново. Да он даже ручку нормально держать не мог! Моторика движений совершенно другая. Да и нет тут ручек. Вместо них перья. И его предшественник едва мог читать по слогам, а писать так и вовсе не любил.

Самого Карпова Ивана Архиповича, прежнего владельца тела, он совершенно не ощущал. Память его присутствовала. Иван мог ею пользоваться на уровне какой-то библиотеки. Сами по себе какие-либо события в его голове не всплывали. Но стоило, к примеру, посмотреть на какой-нибудь дом, колоду, колодец, да просто заступ, как тут же начинали выплескиваться все воспоминания, связанные с данным объектом. Лучше бы он обладал подобной способностью относительно собственной памяти. Ан нет. Она осталась прежней. То есть как у обычного человека — тут помню, тут не помню, а вот тут нужно поднапрячься... блин, нет, не помню.

Итак, он оказался в теле сына стрельца Дмитриевского полка московского стрелецкого войска, по совместительству кузнеца. Ремесла среди стрельцов — дело вполне обычное. Оно вроде и жалованье, и хлебное довольствие, и освобождение от податей, и одежда от казны. А все одно не так чтобы сильно много получается. Нет, если одному или с женкой, то вроде и ничего. Но когда детишки по лавкам, то уже тяжко. Вот и пробаваются стрельцы разными промыслами.

Недолго думая Иван решил быстренько поправить материальное положение семьи. С одной стороны, он этих людей не считал родными. Мало того, батюшка по имени Архип, мужик жадный, злой и завистливый, ему категорически не нравился. Матушка, женщина сердобольная, тихая и ласковая, конечно, Ивану импонировала, но все одно была чужой. Две младшие сестренки и братишка... Ну дети и дети. Разве что Митька все время заглядывал старшему в рот и норовил прицепиться хвостиком.

И тем не менее никуда от семьи он деться не мог. Сбежать? Ну-ну. Далеко ли? Нет, если там собрался податься в тати какие, то милости просим. При его способностях, образе мышления и методах местных блюстителей закона он вполне сможет оставаться на воле сколь угодно долго. Вот только разбойничать не по нему. А по-другому — изловят без документов, и привет. В лучшем случае окажешься крепостным, в худшем — угодишь на каторгу. Есть здесь такой опыт, и труд каторжный очень даже распространен.

Словом, коль скоро оказался прикован к семье, значит, нужно повышать ее благосостояние. Однако все его попытки нарывались на глухую стену непонимания со стороны отца. Хотел было воспользоваться кузницей...

Н-да. Неправильное решение. Архип рассудил по-своему и приставил сынка к молоту, мол, коли оклемался, начинай помогать. Ну да, прежний Иван у отца был за молотобойца. Не в полную силу, все же мог бы и надорваться, но уже работал. Хотя чему тут удивляться. Здесь вообще взрослеют рано.

Наконец он осмелился действовать тайком. И нацелился ни много ни мало на получение литого булата. Все вышло случайно. Увязался за отцом в Немецкую слободу на литейный двор. Отец с десятком, по служебной надобности, а он из простого любопытства. Вот там-то Иван и заметил графит, который использовали для формовки отливок. А ведь он же используется и для получения булата по методу Аносова.

Причем его не только в сам сплав нужно добавлять, но и тигель с его же помощью изготавливается. Обычная глина попросту не выдерживает нужной температуры, до которой разогревается сплав.

Раздобыл тот графит Иван самым что ни на есть преступным путем. Попросту украл. Ну как «попросту». Пришлось потрудиться и попотеть как от страха, так и от тяжести уворованного. Но все же управился.

Вместе с друзьями по детским играм оборудовали в лесном овраге небольшую мастерскую. Помучились, обустроивая простейшую тигельную печь. И вообще работать получалось урывками, да еще практически без инструментов.

Добыть исходный металл также получилось лишь воровством. Причем не у отца. Понадобилась оружейная сталь, а у Архипа таковой не водилось. Не того полета мастер. Разве что его трофейные сабля, кинжал да тесак. Но с этим лучше не связываться. Как говорится, не воруй где живешь. Вот и пришлось навестить Бронную слободу. Ох и натерпелся же он страху! Вот когда лазил к англичанам, так страшно не было, как тут. Ну да справился.

Дальше все как учили и как не раз делал. Еще там. В прошлой жизни. Так что никаких проб и ошибок. Разумеется, качество стали, чистота графита — все это оказывает свое влияние. Но все же срослось как надо, и на выходе получился слиток булатной стали весом около двух кило.

Вот тут-то Ивану пришлось пуститься на хитрость и умыкнуть-таки из отцовской кузницы инструмент, когда тот ушел на дежурство. На время, само собой. С горем пополам вместе с товарищами они раскатали слиток в полосу, из которой потом нарезали заготовок на шесть ножей. С одной стороны, сабля она как бы и предпочтительнее, и вышла бы дороже. Но с другой — поди ее еще продай. Не исключен вариант, что обвинят в краже, да еще и привлекут по суду.

Собственно, именно ради того, чтобы легализоваться, Иван и решил научить Архипа лить и ковать булат. А что? Батя кует булатные клинки, сынок торгует, да еще и цену не дерет. Ясное дело, умыкнул у отца. Но ведь это его трудности. Вот и выковыливает Иван свои ножи втайне да втихую. От греха подальше. Для чего ему это? Так ведь не видел он себя и дальше в этой семье. Лишь дождется момента, чтобы можно будет вылететь из гнезда, так только его и видели.

Первую саблю сын отковал сам. Понятное дело, пришлось батю уговаривать, чуть ли не умолять поверить ему. В результате жадность все же взяла верх и Архип согласился. Провели плавку. И не сказать, что кузнец с легким сердцем взирал на то, как сынок обращается с дорогой оружейной сталью, купленной за кровные, и с графитом, за который также было плачено звонкой монетой.

Вот так вот. Вроде хочется заполучить и продать дорогой товар. Однако страсть как жалко уже потраченных денег. Пусть даже прибыль обещает многократно перекрыть расходы.

Но все вышло так, как надо. Причем настолько, что Архип даже забыл удивиться тому, как ловко у Ивана получалось обращаться с металлом. А тот ворочал раскаленную болванку со знанием дела. Да и при дальнейшей обработке клинка проявил как знания, так и ловкость.

Первый клинок пристроили с солидным прибытком. И вот теперь настал черед ковать отцу. У него получалось не так ловко, как у сына, но все же долгая практика обращения с горячим металлом не могла пройти просто так. Подумаешь, никогда не был оружейником. Основные навыки в него вбиты намертво. Тут главное — не запороть сталь и придать какую-никакую форму. Остальное можно уже довести с помощью точила и полировки...

— Ну как, сынок? — достав клинок из емкости с маслом, спросил отец.

— Нормально, батя. Теперь нужно разогреть и опустить, а там и за чистовую обработку можно браться.

— Ишь каков. Отца поучаешь.

— Прости, батя.

— Да чего уж. Учиться оно никогда не грех.

Угу. Оно вроде как и не грех. А с другой стороны, получается, что яйца курицу учат. Неудобно мужику.

— Бать, ты иди, а я тут сам. Прогрею и подержу в печи.

— Не годится. Пусть клинок обождет меня. Сам все сделаю. Чтобы накрепко науку усвоить.

— Ясно.

— Ладно. На сегодня все. Мне еще пару часиков поспать, да в ночь в наряд.

— Бать, а можно я тут еще постучу?

— Чего это ты удумал? Да и стемнеет уж скоро. Хватит уголь попусту жечь. Он, чай, денег стоит. Да и масло в светильниках не бесплатное. Давай собирайся. Нечего тут одному делать. Вон лучше иди на гулянье. На санях покатайтесь. Уж весна, глядишь, скоро и снега-то не останется.

Ну а что тут поделаешь. Не больно-то воспротивишься. По всем законам Иван сейчас во власти родителя. Убить он сына, конечно, не может. Тут же под судом окажется. Но вот избить, в том числе до инвалидности, очень даже имеет право. А дове-

дись сыну на отца поднять руку, так тут не просто общество на-
двинется, на этот счет еще и закон имеется, и придется неради-
вому сыночку отвечать по всей строгости.

Обмылся, привел себя в порядок, да и подался на гулянье.
И вернется только глубоко за полночь. А еще за это время, как
стемнеет, опять с ребятами проникнет в мастерскую и умыкнет
на время инструменты. Чтобы поработать в импровизирован-
ной лесной кузнице. К слову сказать, три ножа уже полностью
были готовы. Бог даст, к завтрашнему вечеру закончит и чет-
вертый. Останется только рукоять приладить...

Как и ожидалось, выспаться не получилось. Ну не любил
Архип ночные бдения. Да еще и в наряде придется провести
время до следующего вечера, пока их не сменит другой десяток.
Он с куда большим удовольствием продолжил бы работу над
клинком. Удачный опыт сына не давал покоя. Хотелось как
можно быстрее заполучить положительный результат. Только
положительный. Иначе и быть не могло. Ну да тут ничего не по-
делаешь. Придется обождать. Служба.

Когда Архип вошел во двор приказной избы полка, то два
десятка, заступающие в наряд, уже практически полностью со-
брались. Стрельцы в свете факелов сбивались кучками. Те, что
постарше, вели степенную беседу, молодые балагурили да под-
трунивали друг над другом.

Архип повел плечами. Ветер начал подниматься. Оно вроде
и середина марта, и в то же время весной пока не пахнет. Нет,
капель уже началась, вот только сегодня в ночь, пожалуй, за-
вьюжит. Тут уж и подбитый мехом кафтан не больно-то помо-
жет. Убрал с плеча пищаль и, взяв ее на изгиб локтя, направил-
ся к своим дружкам.

— Архип Алексеевич, ты-то мне и надобен, — заприметив
Карпова, окликнул его полусотенный, стоявший на освещен-
ном слюдяным фонарем крыльце.

— Ну так вот он я, Савелий Петрович, коли нужен, — удив-
ляясь тому, сколь требовательно прозвучал голос начальника,
отозвался стрелец.

Хм. А что это рядом с ним стоит десятник Карпова? Да еще и
искоса поглядывает на своего подчиненного. Они вместе не в
один поход хаживали. Да было дело друг друга из беды выруча-
ли. А тут глядит так, словно Архип в чем-то провинился.

— А скажи, друг любезный, ты когда собирался доложиться, что в послаблениях податных более не нуждаешься? — когда стрелец подошел поближе к крыльцу, поинтересовался полусотенный.

— К чему это ты? — недоуменно посмотрел на него Карпов.

Пусть он пока и не понял, в чем суть, но сумма, которую потребно выложить казне в случае лишения льгот, сложилась сразу. Нехорошая сумма, надо сказать. Кругленькая такая. Только за подворье восемь с половиной рублей, да за кузницу десять. А там еще и пятаю деньгу¹ — ежегодный налог. Это же страшно подумать, какие деньги!

— А я это к тому, что ты указ о стрелецкой службе хорошо помнишь? Что там сказано об отхожих промыслах? — И сам тут же процитировал по памяти: — «Буде стрелец побочного дохода в году имеет более двадцати рублей, то послаблений ему не положено, и взимать с него налог, как с посадского люда».

— Да как же так-то? — растерялся Архип.

— А вот так, — припечатал полусотенный. — У стрельца на первом месте служба должна быть, а не его мошна да подворье. И дабы служивый народ не больно-то увлекался отхожими промыслами, установлена царем-батюшкой эдакая грань. И нам, лицам начальствующим, наказано за тем надзирать. Тебе же, Архип, самому надлежало сообщить о своих прибылях. И попомни мои слова, коли не твои прошлые боевые заслуги, поплатился бы ты по полной.

— А может... — с надеждой начал было стрелец.

— Не может, — резко оборвал его полусотенный. — Мне неприятности без надобности. Иди к дьяку, у него уж бумага заготовлена. Да послезавтра явишься с деньгой и все до копейки уплатишь в казну.

В каждой слободке имелись свои головы с приказными избами и дьяками. Жители улиц выбирали старосту. Они-то все вместе и ведали делами в слободке, взимали налоговые сборы, пошлины и держали ответ перед властью. В стрелецких слободках всем этим ведало воинское начальство.

Податные дворы имелись даже здесь. Вдовы ведь не выселялись из домов, являясь полноправными хозяйками. При желании могли и продать домовладение. За павшего супруга им даже ежегодно выплачивалось двадцать две копейки. Конечно,

¹ Пятая деньга — двадцатипроцентный налог на прибыль. (Здесь и далее примеч. авт.)

пока они жили в стрелецких или солдатских слободках. Потому как в иных местах за тем надзирать уже было некому.

А вот таких подворий, к коим причислили Архипа, в их слободке он не упомнит. Не выходило как-то у стрельцов зарабатывать так уж много. Ну или не выпячивались, все тишком да бочком. Но ты попробуй не выделись, коли торгуешь булатный клинок. Ладно бы войско из похода вернулось. Тогда никто и не глянул бы. То ведь не заработок, а военный трофей.

Дьяк изучающе посмотрел на стрельца. Спросил, где это он выведаль секрет булата и когда успел превратиться в знатного кузнеца. В ответ получил только злой взгляд. Фыркнул да положил перед служивым исписанный лист бумаги. Вроде все верно. Но...

— Фрол Емельянович, ты человек ученый. Присоветуй что умное, — вдруг спохватился стрелец.

Ясное дело, что дьяку не с руки советы раздавать, да еще и при таком-то обращении. И вообще, за науку платить надо. Вот об этом он и сказал своим весьма выразительным взглядом, не произнеся ни слова.

— Уж не взыщи. Понимание имей, меня ить как мешком по голове с порога, — выкладывая перед дьяком рубль, произнес стрелец.

Ну не может дьяк не присоветовать чего-то дельного. Иначе смотрел бы как угодно, но не с таким видом, словно хотел сказать: «Уж я-то знаю, но не скажу».

— Ваньке твоему сколько уже? — смахнув серебряную монету, спросил дьяк.

— Осьмнадцать зим стукнуло.

— Значит, можешь уже записать в стрельцы.

— Так ведь у нас полный полк, — непонимающе выдал стрелец.

— Архип, ты головой-то подумай. Секрет булата тебе ведом. Стало быть, заработать можешь куда поболее, чем на службе, даже со всеми податями. Так к чему тебе и далее лямку тянуть? Все так делают, когда хотят уйти на покой, записывают вместо себя сыновей.

Это так. Служба что стрелецкая, что солдатская — она пожизненная. Даже глубокие старцы служат. Правда, в походы не хаживают, а все больше в качестве городской стражи. Вот только Архип-то все еще в силах.

— Я гляжу, ты ничего не понял, — вздохнул дьяк. — Ладно, поясню. Как сына запишешь, так станешь обычным податным

кузнецом. Но Ванька твой в стрельцах значиться будет, службу станет нести да проживать с тобой на одном подворье. Теперь понял?

— Нет, — затряс головой Архип.

— Так ведь ему-то льгота положена, а стало быть, и усадьба твоя подати не подлежит. Кузница — то иное, но и так в год восемь с полтиной рублей сбережешь. Жалованье, хлебное довольствие да сукно для платья на этот год ты еще не получал. А потому все гладко пройдет, без сучка и задоринки.

— О как! — тут же обрадовался кузнец. — Спаси ты Христос, Фрол Емельянович.

— Иди уж. Сейчас сотник на развод выйдет.

— Ага. Пошел.

Стрелец поспешил убраться. Оно вроде как и служить осталось недолго, и в то же время взыскания ему ни к чему. А то ведь можно и в острожек попасть. Имелся у них при приказной таковой, куда устраивали всяких провинившихся, буйных да пойманных татей. Кого для вразумления, а кого только по первых порах, чтобы потом передать в Разбойный приказ.

Дежурство, как и большинство из них, прошло тихо. Даже буянов не попало. Да и чему удивляться, коль всю ночь и день выюжило. Ну и кому вздумается в такую погоду шляться по улицам? Разве что татым. Но в патрулируемых ими кварталах Стрелецкой и Огородной слобод было тихо. Вот и ладно. Обидно лишь, что когда дело подошло к смене, так сразу же и ветер утих.

Наутро, ничего не объясняя сыну, Архип велел ему собираться и повел в приказную избу. До обеда полковник всяко-разно будет на месте. Иначе никак. Он ведь в слободе вместо головы. Кстати, еще с десятков лет назад так и прозывался. Это уж новое веяние пошло на полковников.

— Разреши, Василий Иванович? — Заглядывая в приоткрытую дверь, поинтересовался Архип.

— А-а, Карпов. Заходи, — оторвав взор от бумаги, что была у него в руках, тут же отозвался полковник. — Мне Якимов уже обсказал твое дело. Сына, гляжу, уже привел. Ну что я могу сказать, Бог помощь. Кстати, Архип, нехорошо как-то получается. Булат куешь, а полковнику своему даже не предложил.

— Так я это...

— Нешто подумал, что я не смогу уплатить полной мерой?

— Да что ты, Василий Иванович. Просто оно мне и невдомек было.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Самоделкин	5
<i>Глава 2.</i> Молодой стрелец	24
<i>Глава 3.</i> В нужное время в нужном месте	42
<i>Глава 4.</i> Немного интриги	67
<i>Глава 5.</i> Долг платежом красен	89
<i>Глава 6.</i> Винтовальная пищаля	112
<i>Глава 7.</i> Нечаянное ранение	138
<i>Глава 8.</i> В западне	163
<i>Глава 9.</i> Силачом слыву недаром...	189
<i>Глава 10.</i> О пользе детективных романов	210
<i>Глава 11.</i> Ловля на живца	232
<i>Глава 12.</i> Предложение, от которого не отказываются	253
<i>Глава 13.</i> Вопросы вместо ответов	282
<i>Эпилог</i>	310